

предоставления в Республике Беларусь правовой охраны товарному знаку правового значения не имеет. Можно сделать вывод о том, что товарный знак и фирменное наименование имеют приоритет над доменным именем.

Эти рассуждения подводят к тому, что доменное имя пора на законодательном уровне признать объектом интеллектуальной собственности и отнести его к средствам индивидуализации. Предлагается включить доменное имя в п. 2 ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в котором дан перечень средств индивидуализации. Необходимо включить в главу 67 параграф 4, который будет называться «Доменное имя». В данном параграфе должна найти отражение статья, в которой дается определение понятию «доменное имя».

Особое внимание следует уделить вопросу соотношения доменного имени с другими объектами исключительных прав. Предлагается включить следующую норму: «Нарушением прав владельца товарного знака признается несанкционированное использование товарного знака в доменном имени в отношении однородных товаров, а также неоднородных товаров, обозначенных товарным знаком, признанным общеизвестным в Республике Беларусь». Далее продолжаем: «Нарушением прав владельца товарного знака признается также недобросовестная регистрация и использование доменного имени, которая имеет место в случаях, если доменное имя зарегистрировано в первую очередь с целью: его продажи, или иной передачи владельцу товарного знака, или конкуренту этого лица; лишить владельца товарного знака возможности отразить товарный знак в соответствующем доменном имени, при условии, что подобные действия совершались многократно; нанести ущерб деловой репутации конкурента; ввести пользователей сети Интернет в заблуждение относительно товара (работы, услуги) или его изготовителя».

Таким образом, в случае возникновения конфликта между товарным знаком и доменным именем, суд будет напрямую руководствоваться положениями Гражданского кодекса.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВЕДЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Казаровец Ю. А., Белорусский государственный университет

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Салей

Одним из обязательных условий защиты чести, достоинства и деловой репутации является факт распространения сведений, с установлением которого связан целый ряд вопросов как теоретического, так и практического характера.

1. Вопрос о круге лиц, которым могут быть распространены сведения, является неоднозначным. Профессор Иоффе, в частности, считает, что положение лица, которому были сообщены соответствующие сведения, значения не имеет и сведения могут быть распространены любому третьему лицу, включая государственные органы, должностных лиц. Правоприменительная практика исходит из того, что факт распространения сведений компетентному государственному органу (например, прокуратуре) следует оценивать как право на обращение, а не как распространение сведений.

2. Заслуживает внимания ситуация, когда определенные сведения сообщаются лицу, которого они касаются. Верховный Суд, давая правовую оценку таким ситуациям, считает, что распространение в этом случае исключается. Такой подход, на наш взгляд, объясняется тем, что содержание таких нематериальных благ как честь и деловая репутация неразрывно связано с оценкой субъекта – обладателя таких прав со стороны общества, а сообщение пусть и порочащих сведений лицу, которого они касаются, никоим образом не отразится на оценке его обществом, а следовательно, нельзя говорить и об унижении чести и деловой репутации. При этом распространенные сведения вызывают сильные душевные переживания, тем самым имеет место посягательство на достоинство человека, раскрывающееся через его самооценку.

3. В юридической литературе дискуссионным является вопрос об оценке факта распространения обстоятельств, при которых фактическое и юридическое распространение не совпадают, например, высказывания в кругу семьи. Присоединяясь к точке зрения таких ученых, как А. Л. Малицкий, И. С. Ной, считаем, что законодатель не придает сведениям, разглашенным внутри семьи, какого-либо особого юридического характера, тем самым не предоставляет возможности рассматривать такие сведения за рамками распространения.

4. Считаем, что факт распространения сведений не будет иметь место в случаях, когда индивид сообщает посторонним лицам порочащие сведения о самом себе. В данном случае лицо само способствует формированию общественного мнения о своей личности и, соответственно, не будет посягательства на нематериальные блага лица со стороны других лиц.

5. Актуальным является вопрос о специфике установления условия распространения сведений, касающихся юридических лиц. Юридическое лицо – искусственное образование, состоящее и действующее через физических лиц. В связи с этим в доктрине и на практике возникает вопрос об определении круга таких лиц. Одни авторы утверждают, что распространение исключается в случае, если сведения стали известны работникам юридического лица. Другая позиция основывается на том, что для исключения распространения информация должна быть известна исключительно органам управления юридического лица. Согласно третьей позиции, юри-

дическое и физическое лицо – самостоятельные субъекты гражданского права и сообщение сведений о юридическом лице физическому лицу будет являться распространением.

С нашей точки зрения, если сведения стали известны органам управления, основываясь на теории социальной реальности юридического лица, воспринятой белорусским законодателем, то распространения нет, поскольку органы юридического лица есть само юридическое лицо. Если речь идет о работниках, то с точки зрения гражданского права это самостоятельные субъекты – физические лица, получившие информацию о другом субъекте – юридическом лице.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кириллова Е. Ю., *Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. М. Ананич

Категория эффективности заимствована юриспруденцией из экономических наук, где в конце XIX в. ученые впервые предприняли попытку проведения анализа результативности социальных и политических институтов общества и государства. Несмотря на столь длительную историю существования исследуемого понятия в рамках права, ученые так и не пришли к единому мнению по данному вопросу. В связи с этим необходимо обратить внимание на наиболее распространенную доктринальную позицию касательно сущности эффективности ответственности в праве, которая заключается в определении ее как корреляции стоящих перед юридической ответственностью целей и результатов ее воздействия.

Исходя из целей, заложенных в институте семейно-правовой ответственности, можно сделать вывод о том, что ее эффективность будет определяться по трем основным параметрам. Первым из них выступает результативность показателей воздействия ответственности в семейном праве как средства превенции совершения семейных правонарушений, которая обуславливается особенностями психологической реакции лица, совершившего семейное правонарушение на само противоправное действие. Действительно, если психологическая реакция лица, привлеченного к ответственности в семейном праве по отношению к своему поступку, носит резко отрицательный характер, то вероятность совершения этим лицом сходного правонарушения в будущем существенно сокращается; если же лицо, привлеченное к семейно-правовой ответственности, не чувствует аморальности своего поступка, тогда эффективность подобной ответственности заметно падает. При этом эффективность ответственности в семейном праве для частной превенции во многом будет зависеть от реакции социального окружения на